

На вопросы "ЗАВТРА" отвечает писатель Михаил КИЛЬДЯШОВ.

"ЗАВТРА". Михаил Александрович, существует измерение Александра Андреевича Проханова, связанное с политикой, и это политическое измерение перетягивает на себя внимание в массовом сознании, а писатель Проханов остаётся как бы в тени. Сегодняшний разговор хотелось бы посвятить романам, литературе, потому что в политике Проханов все свои акценты расставил и каждую неделю пишет передовую в газете "Завтра", как солдат в окопе.

Вы читали много романов Проханова, у вас есть представление о каждом из них, но хочется поговорить о романах, которые были написаны недавно: "ЦДЛ", "День" и "Лунатик". Как вы считаете, почему Проханов стал писать на темы, звучащие в этих произведениях, именно сейчас?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Я читал все романы Проханова, и в 2018 году у меня вышла книга "Александр Проханов — ловец истории", где представлены статьи о прохановских книгах: от самых первых повестей и рассказов до романов, что были написаны в 2018 года. Те романы, о которых мы говорим сегодня, недавние, и, понятнo, статьи о них в мою книгу не вошли. Я думаю, с названных романов начинается принципиально иной этап в творчестве Проханова. Всякий писатель, которому Бог даровал длинную творческую жизнь, становится своеобразным человеком-литпроцессом. То есть его творчество — это не просто некое наследие конкретного автора, это история нашей литературы, где в рамках эстетики одного писателя происходят и идейная борьба, и художественные искания, и формирование нового языка, новой образности и сюжетности.

Недавние романы Проханова посвящены его юности, молодости. Они, в отличие от большинства прочих его романов, написаны не по горячим следам. Почему так? Я думаю, дело здесь не в ретроспективном взгляде, не в ностальгии Александра Андреевича по минувшему. Напрашивается такая метафора: "История — это великий сеятель. Она разбрасывает зёрна. В настоящем и будущем всходит лишь какая-то часть. А писатель приходит на поле, где История разбросала зёрна, собирает с каменной почвы те, которые не вошли, бросает их в плодородную почву, выпалывает сорняки, разгоняет птиц, чтобы всё, разбросанное Историей, проросло". И думается, что творческая задача Александра Андреевича в этих романах — найти в собственной биографии и в истории страны нечто, что в своё время не дало исторических всходов. Это ретроспективное обращение к нашей истории ради того, чтобы из зёрен прошлого проросло будущее.

"ЗАВТРА". Вы рисуете нечто похожее на работу реконструкторов, которые создают альтернативную историю, но этого же нет в романах!

Михаил КИЛЬДЯШОВ. У Ясперса есть понятие "осевое время". У Проханова — "сетевое время": из каждого события прорастают варианты будущего и сплетаются в сеть. Кто-то из писателей выстраивает своё романное время так, будто едет в метро по прямой ветке. Кто-то — будто едет по кольцевой. А Александр Андреевич — это путешественник, который всегда переоскакивает во времени с ветки на ветку, пользуясь таинственными, больше никому не ведомыми переходами. Благодаря такому сетевому времени понимаешь, что жизнь всякого человека предполагает несколько сценариев. Александру Андреевичу, и как человеку, и как автору, удалось, на мой взгляд, прожить все возможные сценарии своей жизни. Вот, например, роман "Лунатик", изданный совсем недавно. Там особенно интересные взаимоотношения героя и времени. Герой — молодой человек, который кардинально меняет свою жизнь: будучи филологом, отказывается писать диссертацию и отправляется в русские леса, близ Истры, где когда-то был основан Новоиерусалимский монастырь. Герой мечтает написать книгу о русском очарованном страннике. Но история ведёт молодого автора таким образом, что после создания этой книги он выходит на путь человека, что воспевают советские строики, воспевают ядерную триаду, пишет о русской деревне и проживает девятнадцать войн, на которых, как мы понимаем, побывал сам Александр Андреевич. Вот так переплетаются несколько сценариев жизни. Вот так писатель становится человеком-литпроцессом.

"ЗАВТРА". Как вы понимаете литературный процесс?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Литературный процесс не тождествен творческому процессу. Творчество — лишь часть его. На какую-то долю это процесс организационный, на какую-то долю — идеологический. Подобным вопросам посвящены романы "День" и "ЦДЛ". Они о том, как складывается система литературного бытия. "Горький создаёт философское учение социализма", — пишет Александр Андреевич в "ЦДЛ". Сам Центральный дом литераторов представлен в романе

как литературный реактор, где обрета- ют метафизическую общность писате- ли, разнородные по своим убеждения- м и творческим направлениям.

"ЗАВТРА". А как вписывается в прохановское "сетевое время" роман "Он"?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Это роман о детстве Проханова, о его подрост- ковой поре. Когда впервые в миро- здании появляется местоимение "он"? Когда человек заговорил с Богом о другом человеке. Когда Бог, указы- вая на другого, сказал человеку: "Вот, смотри, это он". Этот роман для Про- ханова — постижение детского миро- ощущения, воспоминание о первом осознании себя в мире и мира в себе, поиск бытийного истока — и жизнен- ного, и художественного.

"ЗАВТРА". Вы говорите "литпро- цесс" — и я вдруг понимаю, что современные писатели, дай Бог им всем долгих лет жизни, не смо- гут составить литпроцесс сами по себе, поскольку находятся в без- воздушном пространстве в плане литературы. То есть не существу- ет неких систем, площадок, той большой инерции, которая вообще определяет их как писателей. Алек- сандр Андреевич Проханов стал писателем в советское время, и эта инерция его писательства, его миссии до сих пор просматривает-

других и рассказать об этом пости- жении. Читатель перестал дорожить писательским опытом. Но на филоло- гическом факультете нам говорили: "Человеческая жизнь слишком корот- ка, чтобы успеть накопить достойный опыт, но каждая прочитанная книга — это прожитая жизнь".

"ЗАВТРА". Конечно, любое твор- чество — это некая эманация, и, в принципе, никакой среды может и не быть, и никакого читателя может не быть. А может быть, он ещё не родился. Как писал Набоков:

Обращение к несуществующим: кстати, он не мост, этот шорох, а цепь облаков, и, лишённые самой простой благодати (доходженья до глаз, до локтей, до висков), твои бедные книги", сказал он развязно, "безнадёжно расстаю- в изнанку". Увы, эти триста листов беллетристики праздной разлетились — но у настоящей листвы есть куда упадать, есть земля, есть Россия...

Франсуа Вийон тоже ждал своего читателя. И пусть не дождался при жизни, но он пришёл к нему через

"ЗАВТРА". Здесь заметна тень политики.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Без- условно. Повторю: литературный про- цесс — в том числе процесс органи- зационный, и власть должна в него включаться. Она, конечно, любит пи- сателей не за эпитеты, не за метафо- ры, а за смыслы. Казалось бы, идей- ную задачу, которую в советскую пору выполняла литература, теперь выпол- няет журналистика. Но журналистика, насколько бы она профессиональна ни была, это всегда канал смыслов. Созидание смыслов под силу только писателям и философам. И, конечно, живой читатель, живой отклик всегда дорог. В наш цифровой век я однажды получил от читателя бумажное пись- мо — отклик на статью. Будет пре- увеличением сказать, что я держу это письмо под подушкой, но радость от него была огромна.

"ЗАВТРА". Как-то одна дама ска- зала: "Я прочитала строчку "Пьер Безухов распечатал письмо" и до- го думала, откуда у него принтер?"

Сейчас, когда мы все уткнулись в экран смартфона, как быть? Надо, видимо, каким-то образом адаптиро- вать литературу к этим технологиям?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Не следует во всём играть в поддавки. Человека надо формировать, а не ублажать. Человек по природе своей таков, что

Вооружение? "Нет, товарищ генерал. Всё есть. Нам бы концерт! И чтобы стихов было побольше!" Это к вопросу о "нечитающем русским народом".

Хотя некоторое время назад я пи- сал цикл статей о советских поэтах, современниках Александра Андре- вича Проханова. Для этого в крупней- шей областной библиотеке брал книги Анатолия Передереева, Егора Исаева, Бориса Примерова, Владимира Со- колова, Алексея Прасолова, Игоря Шкляревского... Смотрел на форму- лары и видел, что эти книги никто не брал 40 лет! Это были книги-сироты! Мне казалось, они ко мне потянулись как дети, которые много лет провели в интернете. Очень хочется, чтобы мы сегодня преодолели это сиротство книг. Чтобы у читателей разрушилось ложное представление, что литерату- ра говорит о чём-то эфемерном, да- лёком от жизни. А ведь литература — это "единственная новость, которая всегда нова". Как писал Борис Слуц- кий, "слово — половина дела, лучшая половина".

"ЗАВТРА". Советская эпоха ми- нула, и сейчас образовались, на мой взгляд, две гильдии писате- лей. Проханов, Поляков и другие с любовью вспоминают Советский Союз, они отразили его жизнь во всей полноте. И молодые, которые как-то отстранены от своей эпохи. Почему молодые писатели боятся современности?

столице, поезжай в провинцию, там у тебя всё будет: и устроенный быт, и по- чёт, и возможность размеренной рабо- ты". Боюсь власть в провинциальное мелкотемье", — был ответ.

"ЗАВТРА". Да, имена, прозвучав- шие в нашей беседе, являются дра- гоценнейшим достоянием, но всё это не активировано. Не значит, что это не будет востребовано. Не зна- чит, что это где-то утонет в потоке времени, и следующие поколения будут увлекаться какими-то своими игрушками, своими темами, сво- ими способами донесения смыс- лов. Обязательно эти тексты будут включены в новые культурные про- цессы, которые идут как зщелюны, один за другим. И без этих предше- ствующих словё следующие невоз- можны. И поэтому их, конечно, надо каким-то образом вытаскивать. Например, пришло осознание, что нужны приложения, платформы, которые позволяют читать рома- ны. Причём нельзя это всё просто выставить в Интернет, поскольку нужно платить гонорары авторам. Издательство "Наше Завтра" и "День-центр" сейчас работают над внедрением таких приложений.

К тому же становится популяр- ным не чтение, а прослушивание романов. Возможно, возродится искусство декламации и художе- ственного чтения. Я, кстати, читал изданную в сталинское время кни- гу "Искусство чтения", и там под- робно, с театральным заходом всё было исследовано, расписано, раз- ложено по полочкам.

Сейчас искусственный интеллект читает уже неплохо, иногда ошиба- ясь в ударениях, правда. Но, опять же, на каком примере ИИ будет обу- чаться? На примере наших актёров МХАТа или каких-то дикторов, ко- торые иногда путают звуки? ИИ на

СРЕДОТВОРЕНИЕ

О романах Александра Проханова и будущем русской литературы

ся во всех произведениях. А совре- менный писатель пытается что-то делать, наверное, реализует себя творчески, но он заранее лишён этой миссии — у него нет социаль- ного, духовного статуса. Он что-то пишет, иногда издаёт...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Вы знаете, писатели моего поколения и даже те, кто моложе, сейчас постоянно ищут универсальную рецептуру — рецеп- ту отдельного произведения или це- лой писательской судьбы. Однажды я попечалился Александру Андреевичу: "Наша писательская юность несрав- нима с вашей: очарование деревней, советские строики, горячие точки... А что выпало на долю нам?" На что Александр Андреевич ответил: "Из моего поколения большинство были "домоседами", и только я постоянно мотался по заводам и фронтам".

Меткое определение — "домосе- ды". А ведь во всей русской литера- туре домоседов было очень много. Конечно, нужно идти навстречу соб- ственной судьбе, как тот очарованный странник, о котором мечтал написать роман герой Проханова. Нужно торо- питься жить и спешить чувствовать.

Шолохов, которого Александр Ан- дреевич очень почитает, который когда-то пригласил его, ещё молодого писателя, к себе на обилей в Вёшен- скую, в одном из последних интервью сказал: "Мы в молодости жили в та- кую эпоху, когда весь народ мог стать писателем. События сами лезли нам в глаза. Гражданская война, Рево- люция, Великая Отечественная вой- на". Но, — говорит Шолохов в 70-е годы, — теперь писателю надо искать события. Действительность прячется от писателя. Надо проверять себя на прочность в добыче событий". Так в Литинституте нашему поколению го- ворили: "Не о чем писать — устрой- ся работать в хоспис". Без поиска драго- ценного опыта каждым писателем лит- процесс невозможен.

Кроме того, разорвалась заветная связь между писателем и читателем. Один знакомый художник сказал мне лет 20 назад: "Мы сейчас живём в та- кую пору, когда художник готовит свою выставку, её посещают друзья-худож- ники, и о ней пишут тоже только художники. Литераторы скоро придут к этому же". Я тогда протестовал: "Этого не будет никогда! Россия — словесно- тричная страна! Русский человек всегда да тоскует по слову, жить без него не может". Но мы, писатели, действитель- но, к этому пришли! Книги теперь по- падают в безвоздушное пространство.

Вы же случайно в начале нашей беседы сказали, что Проханова боль- ше знают как политика, как идейного борца. Я много раз был на его литера- турных презентациях: там ему задают преимущественно политологические вопросы, обходя вниманием романы. Проханов тоскует: "Я хочу говорить об эстетике, о природе русского слова!" А этого разговора нет.

Почему так происходит? Потому что русский человек, на мой взгляд, перестал осознавать себя свидетелем "тонкого сна". Это словосочетание я впервые употребил в статье, посвя- щённой поэзии Проханова. Тонкий сон — граница между бытием и ино- бытием: это откровение. В народе говорят: "мало спалось, да много ви- делось". Человеческая жизнь — это "мало спалось", а мироздание — это "много виделось". И у каждого писате- ля задача — прожить свою короткую жизнь как тонкий сон, постичь больше

несколько столетий. И, наверное, вопрос литературной среды, во- прос включённости литературы в некий процесс — это вопрос вто- ричный для художника, но не вто- ричный для общества, для страны. И непонятно, что делать? Обра- титься к Владимиру Владимиро- вичу Путину, чтобы он издал указ: "Всем стать читателями!"?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. И раску- пать тиражи!

"ЗАВТРА". Да, и раскупать ти- ражи. Но этого не происходит, та- кие штуки так не делаются. Хотя, конечно, есть пропаганда, пиар, поддержка издателей, поддержка писателей, есть дома творчества, какие-то предпочтения. Кстати, пи- сатель даже не включён в реестр профессий, то есть это вообще не профессия — писатель. Это хобби.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. А в идеале должно быть призвание.

"ЗАВТРА". Вряд ли в трудовой книжке можно написать: "Призва- ние — писатель". Но всё же: что можно сделать с точки зрения куль- турного процесса?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Писателю в первую очередь нужен читатель. Один философ сказал: "Вселенной необхо- дим разум, ибо без её осознания Все- ленная не будет существовать". Так же и здесь.

"ЗАВТРА". Но разум — это и есть писатель!

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Нет, разум в данном случае — это читатель, ко- торый осознаёт писателя. Как там у Евтушенко...

Я писатель, которого создал читатель, и я создал читателя. Долг мой хоть чем-то оплачен.

Важен вопрос читательского вос- приятия, читательской восприимчиво- сти. Самый загадочный вопрос в лите- ратуроведении: почему современные воспринимают писателей иначе, чем потомки? Бенедиктовым, например, многие современники восхищались больше, чем Пушкиным. У Фаддея Булгарина тиражи были больше пуш- кинских прижизненных тиражей. По- чему? Загадка! Даже мы на своём веку не всегда понимаем, откуда было такое очарование шестидесятника- ми. Почему они собирали стадионы, и даже те, кто ходил на эти стадио- ны, сегодня мне, молодому человеку, говорят: "Мы теперь не можем объ- яснить свою тягу". Каждая эпоха вос- принимает одни и те же произведения по-разному, и если мы не будем иметь эту разность восприятия, не будем размышлять о ней, то мы обедним само творчество писателей.

Что можно сделать? Отвечаю. Не- обходима критика. У нас сегодня фак- тически нет критики. Нет её как поля эстетической и идейной борьбы. Те- перь, как правило, к какому-либо пи- сателю прикрепляется критик, как ору- жиеносец, и начинает его в одиночку разрабатывать. А полемике уже нет. Я никогда не соглашусь с расхожим мне- нием, что "критик — это второй чита- тель" книги после типографского набора- щика". Лично я люблю писать о книгах для тех, кто эти книги уже прочёл. Я приглашаю к разговору. И согласитесь, что большие литературные критики нам всегда были интересны чем-то большим, чем разбор литературного произведения. Белинский — философ, Страхов — философ. Наши современ- ники Палиевский, Кожин, Казинцев, Бондаренко — это философы, которые философствовали через литературу.

Второе, что необходимо — до- стойное преподавание словесности. Я убеждён, что в нынешнем препода- вании современная литература должна быть представлена обширно. В советские времена председателя правления Союза писателей СССР Фадеева называли "министром лите- ратуры". Министерства литературы не было, а министр был! Вот такой в со- ветскую пору был статус у современ- ной литературы. А когда современная литература велика и велика, тогда и к литературному наследию относятся по-иному. В национальных республи- ках мы это по-прежнему наблюдаем. Там подняли современных писателей на высоту хранилища языка, храниле- лей культуры. И они потянули за собой всё историческое наследие. Не совре- менники идут за наследием, входят в литературу на его волне, а напротив, современный писатель связывает чи- тателя с наследием.

Легендарный ресторан ЦДЛ

не всегда знает, чего он хочет. Если бы 20 лет назад человека спросили: "Хочешь ли ты такую штуку, в которой есть компьютер, Интернет, телефон и ещё много всего?" Наверняка каждый бы такую штуку захотел, ещё не подо- зревая, что возможен смартфон. Че- ловека, конечно, в лоб не спросишь: "Хочешь ли ты быть умным, образо- ванным, культурным, нравственным?" Но это созидание необходимо. Нужна мягкая педагогическая, просветитель- ская сила.

"ЗАВТРА". Советское время пы- талось формировать человека, но в итоге вышла перестройка — вот что меня всегда удивляет.

И сейчас есть, например, отлич- ные музеи, в том числе Литератур- ный музей. А недавно я был в Шах- матово. Это блоковское имение, драгоценное место, его восстано- вили скрупулёзно, молодцы. Ходит там экскурсовод, рассказывает, но жизни, движения, которое могло бы включать людей в этот огромный- ий блоковский мир огненных ме- тафор, там, к сожалению, нет.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Тут спор- тить сложно. Конечно, часто сегодня бывает такое: "А давайте создадим какой-нибудь журнал! Или какую-ни- будь газету!" А у тебя, спрашиваю, круг авторов есть? Круг читателей есть? А потребность в этом журнале или в этой газете есть?

То есть у читателя потребность, мо- жет быть, и есть, но она эфемерная, гадательная. В чём гений Сталина? Он умел угадать эфемерную потре- бность. Он чувствовал, на что народ от- кликнется, и создавал для этого усло- вия. При нём писатель становился воплощённым государством. Пример. Приезжает в наши дни делегация в Вёшенскую. Экскурсовод рассказывает: "Школа. Построена Шолоховым. Мост. Построен Шолоховым. Библио- тека. Построена Шолоховым". Спра- шивают: "А где же в это время была советская власть?" Экскурсовод от- вечает: "А Шолохов и был советской властью!" Вот величина писателя. Вот величина литераторы. У Алекса- дра Андреевича в одном романе есть метафора: "Шолохов подобен вели- кой реке Волге". Брежнев почитал за честь приехать к нему на юбилей, в Вёшенскую. Вот этот статус, конечно, необходим.

Возможно ли это организовать, вне- дрить? Директивно, конечно, нет. Но можно распознать и развить потре- бность в литературе, в слове, в твор- честве. Расскажу историю, связанную с СВО. Приезжает генерал в располо- жение батальона, на передний край, спрашивает: "Мужики, чем вам по- мочь? Что вам нужно? Палатки? Еда?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Есть такое заблуждение среди писателей, худ- ожников, кинематографистов, что в вечности останется только то, что не имеет привязки ко времени, к эпохе. Я всегда на это говорю: зайдите в Тре- тьяковскую галерею, посмотрите, ка- кие там картины? Вечно лишь то, что создаёт портрет времени, свидетель- ствует о жизни конкретных поколений. И беда молодых авторов как раз та- ки в отстранённости от времени. А вре- мя — это и есть корпускула вечности. Человек может проникнуть в вечность только через время, только через свою эпоху. Советская литература всегда старалась организовать для писателей процесс постижения эпохи, процесс добычи литературного мате- риала: пережил — опиши. Молодой Анатолий Передерев едет на комсо- мольскую стройку, возвращается, зво- нит Борису Слуцкому. Тот спрашивает: "Привёз книги стихов?" Передерев от- вечает: "Нет". Слуцкий бросает трубку.

"ЗАВТРА". Это и есть среда. Сред- отворение — это особая техно- логия. К сожалению, представить себе, что на какой-то площадке воз- никнет сразу среда, я не могу. Даже если будет площадка, даже если бу- дут люди, остаётся вопрос: как они будут между собой взаимодейство- вать? Это как оранжерею созда- вать для удивительных растений. А вдруг климат не подходит, тем- пература не та, метеорит пробьёт стекло теплицы, сквознячок убьёт все растения? В этом есть некая тайна, чудо. И внутри среды всегда существует своя иерархия, свои ли- деры. И критики там нужны, чтобы расставлять вешки, флажки.

А может быть, своё слово скажет провинция? Есть ли в современной литературе размежевание на сто- личную и провинциальную?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Как про- винция по рождению я с полной от- ветственностью скажу, что, конечно, провинциальная литературная среда теперь немножко изменилась. В совет- скую пору в каждом регионе был свой мощный, авторитетный толстый ли- тературный журнал, куда приехали столичных писателей. Для столичного писателя прежде было важной творче- ской потребностью, особенно в зрелые годы, уехать из столицы, спастись от московской суеты. Сегодня, пожалуй, можно привести только редкий пример Михаила Тарковского. Творческая сила провинции схватывает иная. Писатели есть. Но им не хватает реализации. Как говорила Ахматова: "Голос прорезал — дело за судьбой". Голоса есть — потясающие, родниковые. Судьбы же хватило не всем. Я как-то сказал од- ному писателю: "Ну, что ты маешься в

самом деле не интеллект, он всего лишь алгоритм, который требует за- грузки каких-то примеров, образов. Это просто машина по компиляции. Поэтому важно, чтобы литерату- ра жила, продвигалась, цепляла. А люди всегда будут творить и всегда будут вдохновляться, впечатляться.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Из личного опыта. Меня часто спрашивают: "Что же ты никак не расстанешься со своим устаревшим, отжившим свой век смартфоном?" Я говорю: "Не могу отравить в утиль вещь, с помощью которой я прочитал тысячи книг!". От- того и к технике уже иное отноше- ние, в духе Андрея Платонова. Это не обездушившие литературу через смартфон, а, напротив, сакрализация техники через слово, чтение. Книга — это праздник! А смартфон с загружен- ной книгой — это праздник, который всегда с тобой. Четыре тома "Войны и мира" в печатном виде в дальнюю дорогу с собой не возьмёшь, а в элек- тронном виде или в аудиоформате — пожалуйста. Встреча со словом от этого не обесценивается.

"ЗАВТРА". Очень важно понимание того, что эти пласты, эти эгрегоры, эти накопленные потенциалы являются нашим драгоценным достоянием. Это то, что позволит будущим поколениям жить, развиваться, побеждать и творить снова и снова. Мы стоим на страже этих процессов, по мере сил пытаемся их двигать. Может быть, не совсем у нас получается, мощно- сти невелики, но создание площад- ки "День" является в этом контексте важным событием. Эти площадки очень мало. Союз писателей России, к сожалению, не выполняет эту роль в полной мере. Там, собственно, и зала даже нет для общения. В Москве этих площадок очень мало. Есть ли- беральные площадки, но я их просто не рассматриваю как что-то позитив- ное. У них своя какая-то жизнь, кото- рая, кстати, прекратилась с началом СВО. Поэтому будем тихонечко, шаг за шагом, продвигать нашу повестку. Спасибо за беседу, Михаил!

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Дай Бог здоровья Александру Андреевичу! Ждём его новых книг. И, как говорит- ся, самое драгоценное в литературе происходит не когда литература про- сто отражает жизнь, а когда жизнь ста- новится продолжением литературы. Каждый роман Александра Андрееви- ча именно таков. Русская литература именно такова. Спасибо! С Богом!

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Новый 9-10 (117-118) номер журнала "Изборский клуб" освещает такие темы, как угроза транснацизма и канон русского мировоззрения. Свои материалы представили Александр Проханов ("Ещё раз о Царстве", "Петербургское сознание"), Вла- димир Можегов ("Сделаем депрессию снова великой?"), Алексей Комогорцев ("Окультизм идеология Третьего рейха: от сверхчеловека до "ледовой космогонии"), Мак- сим Калашников ("Киборги идут..."), Михаил Кильдяшов ("Где, ад, твоя беда?"). Александр Елисеев представил экспертный доклад Изборскому клубу "Мир господ и хозяев". В номере также опубликован доклад "Новые 30-е и угро- за транснацизма" (под редакцией Виталия Аверьянова). Также представлены беседы с Виталием Аверьяновым "Полуса русская идеи в конце концов сближаются", с Михаилом Маслинным "Наш канон должен стать не книгой на полке, а руководством к действию". Андрей Иванов ("У великой нации должен быть великий проект") утверж- дает: "Если цивилизация не осознаёт своих ценностей, не работает над их прояснением и утверждением, тогда ей будут навязаны другие ценности дру- гих цивилизаций. Что, к сожалению, у нас и было в 90-е годы. Поэтому такая великая страна, как Россия, без ценностного самосознания просто не может существовать. Это действительно условие выживания и нашего уверенного движения вперёд". Рубрика "Библиотекарь" знакомит с книгами "Русский мир на переломе эпох" Виталия Аверьянова, "Донбасский период русской истории. Смена элит" (под редакцией Виталия Аверьянова), "Архим. XXI век Геостратегическая ось Север-Юг" (под редакцией Виталия Аверьянова). "Стихия" представляет "Поэму эпохи" Виталия Аверьянова.

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24